

ИССЛЕДОВАНИЯ

© 2025 К. В. Цеханская
Москва, Россия

РУССКИЕ ТРАДИЦИИ ПОЧИТАНИЯ ИКОН В ХРАМЕ

Аннотация. В статье на основе источников – летописей, чиновников, требников, архивов, других исторических свидетельств, а также современных наблюдений описываются традиции почитания икон в стенах русского православного храма. Автор исследует укрепление и развитие традиций почитания икон, утраченные формы религиозной традиции, «писанные» и «неписанные» особенности поведения молящихся.

Ключевые слова: иконопочитание, русский храм, традиции, обряды.

Ссылка при цитировании: Цеханская К. В. Русские традиции почитания икон в храме // Традиции и современность. 2025. № 42. С. 15–31

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ИЭА РАН, тема «Динамика идентичностей и культур населения России: академические и прикладные социально-антропологические исследования»

Цеханская Кира Владимировна (Tzekhanskaja Kira Vladimirovna) – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, эл. почта: kirilla2011@gmail.com
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 42. С. 15–31
ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>
УДК – 82.941 980; ББК – 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-42/15-31>

В традиции русского православного благочестия почитание икон выражается в молитве перед ними, в молебнах и акафистных службах, поклонении, прикладывании (целовании), каждении, возжжении свечей, принесении обетных привесок, а также в украшении святых образов. Основное почитание икон – это молитвенное предстояние перед ними верующих. Ведь назначение икон – содействовать молитве, помогать ближе ощущать Бога и святых. Содержание икон служит как бы руководством в молитве на пути христианской жизни и призвано постоянно напоминать: «кто верует, что его Тело воскреснет в день суда, тот должен хранить его непорочным и чистым от всякой скверны и порока» (Авва Исаия 1992: 33). Хотя бы в молитве человек должен стремиться держать себя в таком же порядке, как изображенный святой: чтобы глаза «смотрели с чистотою», уши «слушали в мире», «сердце не помышляло лукаво». Все это показывает икона, направляя чувства на путь преображения, помогая воссоздать искаженную грехом природу человека. Таким образом, предстояние перед иконой – и путь, и средство, и сама молитва, которая, по словам Аввы Дорофея, учит «поститься глазами» (Душеполезные поучения 1895: 186).

Благодатное воздействие через икону происходит именно во время молитвы, когда мистический опыт переживания иной реальности связывает человека с Первообразом. О характере «внутреннего видения» и его результатах дает представление фрагмент Ипатьевской летописи (1175 г.), где описывается молитва святого князя Андрея Боголюбского. «Ночами входил он в церковь и свечи запаливал сам, и, видя образ Божий, на иконах написанный, взирав, как на Самого Творца; и всех святых, написанных на иконах, видя, смиряя образ свой, сокрушенным сердцем покаяние Давидово принимая, плакал о грехах своих, возлюбив нетленное паче тленного и небесное паче временного» (Повесть об убиении 1980: 326). Другой опыт высокого духовного созерцания упоминается в жизнеописании св. Иоанна Златоуста (IV в.), когда икона настолько глубоко соединилась с молитвой, что даже мистическое откровение у великого святого имело подобие общения с ожившим иконописным изображением. «Очень же возлюбил блаженный Иоанн послания мудрейшего Павла... Имел же он и изображение этого Апостола на иконе... И когда он прочитывал его послания, то, не сводя глаз, смотрел на изображение и с таким вниманием взирав на него, как если бы Апостол был живой; прославляя его и представляя себе, к нему направлял все свое размышление и чрез созерцание (изображения) беседовал с ним» (Свидетельства древних 1993: 123). Но подобные высоты духовного созерцания присущи лишь не-

многим гигантам духа. Поэтому многие святые Отцы Церкви предупреждали об опасности элемента прелести и духовной гордости. В основание молитвы должно быть положено смирение и покаяние, которые являются душой молитвы. «Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50: 19).

Особенно сильна молитва перед иконами в стенах храма, который есть дом и жилище Божие (Мф. 18: 20; 21: 13). Спаситель указывал на необходимость общественной молитвы, Сам молился среди народа (Ин. 11: 41), среди Своих учеников (Ин. 17) и в храме (Ин. 12: 27). Он обещал духовно присутствовать на общественной молитве (Мф. 18: 20), и святые апостолы, а затем первые христиане, следуя наставлению своего Господа, часто молились вместе (Деян. 1: 14; 2: 1), пребывая «во общении, в преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2: 42). После окончательной победы над иконоборцами и догматическим установлением иконопочитания на VII Вселенском соборе (787 г.) христианские храмы наполнились иконами. Верующим стало легче сосредоточиться в молитве, взирая на иконы, которые отражали живую человеческую личность, преображенную Святым Духом.

Спаситель указывал на особенную угодность общественной молитвы (Мф. 18: 19). Примером такой молитвы перед иконами из жизни древних может быть описание иерусалимского патриарха св. Софрония (VII в.) о чудесах святых мучеников Кира и Иоанна, где рассказывалось об исцелении иподиакона Феодора, страдавшего подагрой. В тонком сне Феодору явились святые мученики, которые приказали следовать за ними¹. Они вошли в греческий храм, где было много икон: посредине он увидел «великое и удивительное изображение» Господа, нарисованное красками, с левой стороны – Госпожу Богородицу и с правой – Иоанна Крестителя, а также сонм апостолов и пророков. Святые Кир и Иоанн вместе со страждущим юношей, «стоя перед иконой, умоляли Господа, преклоняя колена и ударяя головами о землю, и прося об исцелении». Однако сразу не получили просимое: «И в третий раз придя к иконам, они стали употреблять прежние способы и слова. И когда они в течение долгого времени неотступно просили и, лежа ниц, одно только взывали: повели, Господи! Тогда Христос, как сострадательный, умилосердившись, сказал с иконы: окажите ему (милость) и вы. И, встав с земли, мученики, прежде всего, конечно, стали благодарить Христа-Бога нашего, как услышавшего их молитву» (Свидетельства древних 1993: 163–164).

Верующие знают, что именно в храме, который есть прообраз Царствия Небесного, человек из мира временного вступает в мир вечный, в цар-

ство будущего века, где «времени больше не будет» (Откр. 10, 6). Поэтому, молясь, православные проникаются идеей инобытия, наглядно отраженной в иконах. Этот молчаливый призыв ко спасению каждой человеческой души можно назвать первой духовной ступенью к постижению Божественного Откровения.

В обиходе богослужений русской церкви широко бытует почитание икон молебными и акафистными службами. «Когда все тело Церкви единодушно и единогласно воссылает прошение в присутствии священников, возносящих молитвы всего народа» (Цит. по: *Дьяченко* 1894: 155).

Всякий православный, с верой обратившийся к Первообразу, изображенному на иконе, уверен, что по горячей молитве могут исполниться многие его просьбы: «...если будете иметь веру с горчицею зерно и скажете горе сей: “перейди отсюда туда”, и она перейдет, и ничего не будет невозможного для вас» (Мф. 17:20).

Люди русского Средневековья трепетно относились к православным святыням, хранили их и твердо верили в божественную помощь через них. Ранние письменные источники упоминают почитание икон молебным и акафистным чтением. В середине XV в. в Благовещенском соборе Московского Кремля находилась древняя чудотворная икона Смоленской Богородицы, которую «взял пленом» полководец Юрга. В Повести «О Пречистой Смоленской» (включена в Московский летописный свод XV в.) рассказывается, как в Москву прибыл смоленский владыка Мисаил с просьбой отпустить чудотворную икону Богородицы (ПСРЛ 1949: 273–274; *Щенникова* 1997: 49–54). Великий князь Василий Дмитриевич решил возвратить святыню, но прежде почтил ее праздничным богослужением: перед образом отслужили молебен, а затем литургию. После митрополит Иона и вся княжеская семья «знаменовались» у чудотворного образа и со слезами проводили его. Следуя устоявшейся традиции, взамен возвращенной в Смоленск иконы вскоре был написан список (точная копия) древней святыни «в тот же образ», что и оригинал. Кроме иконы Смоленской Божией Матери великий князь отдал и другие иконы «того же плена», украшенные драгоценными окладами, но одну из них – икону «Владычица с Младенцем» – митрополит Иона попросил оставить великому князю и его семье «на благословение и на воспоминание» об этом памятном дне. Ее также стали почитать как чудотворную, и великий князь повелел ежедневно петь перед образом молебен с акафистом.

Замечательный писатель Борис Константинович Зайцев, побывав на Афоне в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре, описал в 1928 г. службу-акафист Пресвятой Богородице перед иконой, напи-

санной на особом плате, где Богородица изображена на небесах с длинным и узким омофором на простертых руках, как бы покрывающим святую Афонскую гору Своей защитой и милостью. Б. К. Зайцев пишет: «Эта служба дневная. В заключительной, главнейшей части игумен и два иеромонаха в белых праздничных ризах, стоя полукругом на амвоне против Царских врат, по очереди читают акафист. Над вратами же находится образ Пречистой, но особенный, написанный на тонком, золотеющем “плате”. Низ его убран нежной работы кружевом. Во время чтения образ тихо и медленно спускается все ниже, ниже, развеивая легкую ткань своего омофора. Голоса чтецов становятся проникновеннее, легкий трепет, светлое воодушевление пробегают по церкви: Богородица, “с честным Своим омофором” в облике полувоздушном, золотисто-облегченном Сама является среди Своих верных. Образ останавливается на высоте человеческого роста. Поет хор, все один за другим прикладываются, вечерние лучи слева легко ложатся на кружева и золотистые отливы колеблющейся иконы. И так же медленно, приняв поклонение, образ уходит в свою небесную высь – кажется, недостает только облаков, где бы почил он» (*Зайцев* 1998: 155).

Можно сказать, что в каждой русской церкви, где есть чтимая икона, в определенные дни читают акафист святым, чаще Богородице, которые изображены на данном образе.

Почитание икон акафистным пением ведет свое начало с 626 г., когда по молитвам жителей Царьграда (Константинополя) перед Филермской иконой Божией Матери город был спасен от нашествия персов (*Васильев* 1999: 65). За избавление от опасности была составлена благодарственная песнь Богородице, которую молящиеся должны были выслушивать стоя. Это песенное последование называли «акафистом», что в переводе с греческого означает «неседальное пение». Заступничеству Божией Матери за род человеческий посвящена суббота в пятую неделю Великого поста, которая так и называется: суббота Акафиста.

В годы служения в Великих Луках схиигумен Савва (1898–1980) установил за правило по воскресным дням выносить на середину храма икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость», и во время вечернего богослужения нараспев пели акафист, обратив взоры к любимому образу. Про чтение акафистов старец говорил: «Акафист – это наш восторг перед величием Божиим, его Пречистой Матери и всех святых». По его же инициативе с 1954 г. в Псково-Печерском монастыре ежедневно после вечернего богослужения читали акафисты перед чтимыми иконами храмовых и местных святых (*С любовью* 1998: 64, 46).

Такое же правило установил митрополит Мануил (Лемешевский), когда с 1928 по 1930 г. нес свое епископское служение в г. Серпухове. Там в постоянный обиход церковной жизни владыка ввел параклисы², то есть пение с акафистом и молебном (Свете тихий 1997: 10–11). Им же в Никольском соборе лично совершались акафистные службы иконам Божией Матери «Отрада и утешение», «Неупиваемая чаша», а также перед многими другими иконами Божией Матери в церквях и часовнях города. Особый вид почитания иконы «Взыскание погибших», введенный владыкой, состоял в том, что после торжественной службы в Никольском соборе икону с молебным пением переносили из зимнего храма в летний. Кроме того, ее почитали молебными и акафистными службами поочередно во всех храмах города. Последняя, прощальная служба была с перенесением иконы из летнего снова в зимний храм. Почитание продолжалось с 10 июля (ст. ст.) до первого воскресенья перед Успенским постом. Во все то время, когда «гостила» икона, храмы украшались, петь старались более благолепно, создавая молитвенное настроение.

И в наше время, в начале XXI в., во многих церквях в определенные дни читаются акафисты перед чтимыми иконами. Так, в пос. Ильинское (Казанской ж/д), в церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы каждый четверг читают акафист перед иконой «Неупиваемая чаша». Образ славится тем, что молитва перед ним помогает людям избавиться от недуга пьянства, наркомании и курения. Многие, часто отчаявшиеся, родители и родственники страдающих приходят в церковь и горячо молятся перед образом. Во время чтения все стоят на коленях, затем прикладываются к иконе (ПМА).

Один из святых отцов говорил: «Делайте, делайте внешнее, ибо внешнее принадлежит нам, а внутреннее Богу. А за внешнее Господь даст нам и внутреннее» (Пестов 2000: 542). Такие внешние формы в почитании икон выражаются, как уже упоминалось, в поклонении перед ними, прикладывании (целовании), каждении, возжжении свечей, а также в украшении святых образов. Все эти знаки почитания имеют предваряющие молитву действия, которые задают особый молитвенный настрой.

Обычай коленопреклонения в молитве установлен Самим Господом, Который в Гефсиманском саду «пал на землю и молился» (Мф. 14: 35). Поэтому еще в период раннего христианства, когда литургия произносилась на память и первые три века передавалась из поколения в поколение в устной форме, верующие уже поклонялись иконам. О существовании в катакомбах, кроме фресок, «моленных» икон писал Л. А. Успенский, отмечая наличие там станковых икон-портретов. Н. П. Кондаков также при-

знавал, что иконы существовали уже и во II–III вв. (Успенский 1958: 60). После прекращения гонений в IV в. – времени расцвета богословской мысли – святой Василий Великий записал и упорядочил единый чин литургии, в котором «преклонение колен» обозначает падение ниц, с преклонением главы и колен (Книга правил 1993). В наше время, как в далекие первохристианские времена, перед началом литургии священнослужители кланяются перед Царскими вратами. После входных молитв, прикладывания к иконам Спасителя и Божией Матери поклоняются ликам всех святых и предстоящим людям, испрашивая себе прощение поклоном, только затем входят в алтарь.

В письменных и иконографических источниках раннего периода истории Византии (VI–VII вв.) описываются поклонения иконам. Церковное, обрядовое поклонение укрепилось уже в постиконоборческое время. Догматическим основанием для этого были постановления VII Вселенского Собора (787 г.), где говорилось, что «честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней»³. Собор особенно подчеркивал, что мы воздаем иконам почитание, а не поклонение, подобающее одному только Богу. В качестве ритуального образца была принята церемония торжественного возгласия и поклонения в Софии Константинопольской 11 марта 843 г., которая символизировала окончательную победу над иконоборцами⁴.

На Руси поклонялись иконам с самого их появления. И поскольку Византия была примером в религиозной жизни русского народа, все догматические основы веры и обрядов строго выполнялись⁵. Святой подвижник благочестия XIX в. Игнатий Брянчанинов, говоря о важности правильного поведения в храме, отмечал, что «от небрежения к малому легко и скоро переходим к небрежению о важнейшем и о всем» (Брянчанинов 1905: 16). Сказанное в полной мере относится к участию верующих в общественной молитве, внешне проявляющемуся, в частности, и в поклонах.

Павел Алеппский, сирийский церковный деятель и писатель, в середине XVII в. не переставал восхищаться ревностью в живой вере русских. Описывая храмовую молитву, он замечал, что поклон «они делают с большим усердием, с начала службы до конца отбивая их один за другим». Удивление вызывали дети, которые повторяли поведение взрослых. Объяснение было одно – «вскармлины молоком веры и благочестия» (Павел Алеппский 1897: 109). По православной традиции, входя в храм, христианин кланяется перед иконами (два поклона перед целованием и один после прикладывания к образу), но прежде перед каждым поклоном

осеняет себя крестным знамением в знак того, что он верует в Христа, что ходатайство святых, избранных на иконах, и самого верующего так же сильно перед Богом по крестным заслугам Иисуса Христа. Икона создается ради молитвы, поэтому предстояние перед святыней всегда выражалось в благочестивых поклонах с произнесением молитвы. Поклоняясь иконам Спасителя, православный произносит про себя Иисусову молитву или «Без числа согреших, Господи, помилуй мя», святым: «Молите Бога о нас». К Богородице по необычайной силе Ее ходатайственных молитв перед Сыном молящийся взывает: «Пресвятая Богородице, спаси нас»⁶.

Вспоминая предание о Нерукотворном образе, Иосиф Волоцкий писал, что после смерти Христа апостолы повели евангелисту Луке «написать на иконе пречистый Его образ» и поклоняться ему. Апостолы, Отцы и учителя Церкви, продолжал Иосиф, «предаша оставили нам обычай живописать всечестные образы Бога и Владыки и святых Его и на северной и на западной и на всех стенах храмов поклоняясь им и почитая их» (*Преподобный Иосиф* 1994: 77–78). Поклонное почитание икон Иосиф ставил на первый план и различал два вида поклонений: «телесное» и «мысленное», считая, что истинное поклонение должно включать оба уровня, когда чувственное зрение направлено на икону, а духовное – на ее прообраз: «...тогда всем сердцем твоим, умом и помышлением возведи очи ума твоего в чистоте сердца» к святыне «...очи же чувственные возведи ко всечестной иконе... и поклоняйся им (иконам. – К. Ц.) мысленно – в душе, и чувственно – телом» (*Преподобный Иосиф* 1994: 93–94).

Чтобы более приблизиться к Богу, древние источники прежде всего называют молитву перед иконами, а также «землежание» и «коленопреклонение» (*Вениамин* 1992: 64). В описании исповеди в Нило-Сорской пустыни (XVII в.) говорилось, что монах «...первые творит поклон ко святым иконам со смирением. Таж обратитца ко отцу и братии творит стих. И падает на лица своем посреди, исповедуя злая своя, имиже есть удержан, и прося прощения и молитв отца и братии...» (*Романенко* 1999: 107). Поклонный обычай «падать на лица своем», или падение ниц отмечали иностранные дипломаты и путешественники XVII–XVIII вв. Так, А. Олсариус писал, что «русские совершали молитву и на коленях, и в простертом положении, и что таким же образом часто молился царь Алексей Михайлович» (*Олсариус* 1870: 158). В традициях русского благочестия были простые и земные поклоны перед иконами даже тогда, когда по уставу это было не положено. Те же, кто проявлял особое усердие, пользовались большим уважением и любовью простых людей, тем паче, если это были люди знатные

и, конечно, цари, соблюдавшие принятые народной традицией формы благочестия. Говоря о необходимости почитания икон поклонами, св. Феофан Затворник писал: «Поклоны надо класть. Ими подогреть надо сердце, когда оно станет охладевать. Поклоны – телесная работа. С ними надо соединять мысль о Боге и чувство к Нему». Он замечал также, что «можно свободно класть, когда в пояс, когда до земли. Поклоны поклонами, а главное – жизнь исправная», со страхом Божиим. Но прежде всего – «ревность о спасении сильная и безжалостная» (*Феофан Затворник* 1889: 183–184).

Об усиленной молитве перед иконами в простертом положении говорил и подвижник XX в. – старец Захария (1850–1936). В наставлениях духовным чадам в минуты уныния (греха, убивающего волю, чувства и разум) он советовал, молясь, распинаться крестом, как это делали в древности многие из подвижников, которые боролись со страстями (*Старец Захария* 1998: 78). При этом старец рекомендовал читать молитву «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его» или канон честному и животворящему кресту Христову, где говорится: «Крестообразно, пречистая отроковице Богородице, длани Твои распростерши ко иже на кресте Воздвиженному, и молитвы, Дево, ныне принеси, за всех верно молящихся Тебе». Отец Захария имел чудесный дар изгонять из одержимых нечистых духов, но прежде того он молился, распявшись (лежа ниц с распростертыми руками) крестом.

Описывая богослужение в 1970-х годах в с. Ракитном Белгородской обл., очевидец отмечал, что архимандрит Серафим (Тяпочкин), войдя в храм, «шел прямо к центральному аналою. В этот момент было принято петь “Воскресение Христово видевше”. Под это исполнение отец Серафим обычно прикладывался ко всем иконам коленопреклоненно, падал ниц, и весь храм вместе с ним» (*Белгородский старец* 1998: 3).

Коленопреклонение перед иконами – знак благодарности за блага и скорби, внешний способ выражения своей греховности и смирения. В молитвенной позе перед иконами закончили свою жизнь такие русские светочи, как преподобные Сергий Радонежский, Нил Столобенский, Серафим Саровский, Варнава Гефсиманский, святитель Дмитрий Ростовский.

Среди утраченных форм почитания икон – омовение. Обычай этот был описан византийским историком IX в. «На средней седмице святых постов, на четвертый день архиерей раскрывал киот иконы и особой “неприкосновенной” губкой, смоченной водой, омывал икону. Выжатая из губки влага раздавалась народу и считалась целительной, особенно при болезни глаз». Традиция омовения чтимых икон про-

должилась и на Руси. Из «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божией Матери», текст которого сложился в 1163–1164 гг., известно, что после омовения воду с чудотворных икон посылали страждущим в разные концы страны. Возможно, в XII в. существовал особый богослужебный чин омовения иконы по аналогии с более поздним, отраженным в требниках «Чином омыти мощи святых или крест мочити или воду с креста пити» (Никольский 1885: 257–276).

Распространение этого обычая, по крайней мере до XVII в., подтверждает и текст Домостроя, произведения, написанного современником святителя Макария – священником Сильвестром⁷. Он писал, что в случае болезни или какого-либо страдания «врачевать ему Божьею милостью», слезами, молитвой и покаянием. «И отцов духовных подвигнуть на моление Богу: петь молитвы, воду святить с честных крестов, и со святых мощей, и с чудотворных образов» (Домострой 1991: 41).

Не обозначая точного времени, но, очевидно, не позднее середины XIX в., источники указывают, что в Псковских землях омовение икон помнили как особый обряд, издревле установленный в Тихвинском монастыре (Описание чтимых икон 1994: 37). Омовение чудотворного образа Тихвинской иконы Божией Матери совершалось в четверг Страстной седмицы. По окончании Литургии архимандрит с монашествующей братией совершали молебен с водосвятием перед иконой. После троекратного погружения в воду креста блюститель иконы в епитрахили открывал золотую ризу образа, настоятель же, три раза поклонившись, омывал икону святой водой, затем прикладывал к святыне платки, принесенные богомольцами (предварительно окропленные святой водой) для отирания иконы и для их освящения. Настоятель, братия, а после народ прикладывались к чудотворной иконе, освященная же вода раздавалась собравшимся людям. Во время Великой Отечественной войны икону увезли в Америку, однако во многих обителях и приходских храмах России хранятся прославленные списки с чудотворного образа.

Целование святых икон также имело византийские истоки. Еще Максим Исповедник (582–662) писал, что в особых случаях целовали иконы Христа и Богоматери (Евсеева 1994: 68). Из древних свидетельств сохранились немногие упоминания об этой традиции. Святые отцы в VII в. после принятия важного решения прикладывались к святыням и, подтверждая правильность принятого, получали так благословение: «...И после этого все встали с места и со слезами, павши раскаялись и вознесли молитвы, и каждый из них поцеловал святых Евангелия и честный крест, и изображение Спасителя нашего Иисуса Христа и родившей Его святой Бо-

городицы, положивши (на все это) и свои руки для подтверждения того, что сказано» (Свидетельства древних 1993: 163).

Объясняя обычай целования икон, защитник иконопочитания святой Герман писал: «Мы изображаем Сына Божия в доказательство, что Он принял естество наше не мнимым образом. С этою мыслию лобызаем икону Его, вспоминая воплощение Его» (Таинственный смысл 1906: 15). Таким образом, прикладываясь к иконам, человек как бы подтверждает, свидетельствует свою причастность к православию.

На русской почве эта традиция укрепилась и развилась. При входе в храм каждый верующий целует икону праздника, затем прикладывается к наиболее чтимым образам и к тем, перед которыми будет молиться. За многие столетия русской религиозной традиции почитание икон в виде целования не изменилось. Установленные правила действуют и сегодня⁸. Так, в Патриаршем чиновнике середины XVII в. указывалось, что прикладываясь к иконам Спасителя, следует целовать ножку (при поясном изображении – ручку), к иконам Божией Матери и святых – ручку; к иконе Нерукотворного образа Спасителя и к иконе Усекновения главы Иоанна Крестителя – «косу волос» (Что должен 1995: 42). Правило целования икон старались соблюдать. Это отмечали некоторые иностранцы, обращавшие внимание на особенности поведения молящихся в церкви. Например, в начале XVIII в. датский посланник Ю. Юль писал, что русские целуют иконы по-разному: святых – прямо в лики, «тогда как на образах Богоматери и Спасителя целуют только руки и ноги» (Юль 1900: 227).

Обряд целования перед входом в алтарь относится к ранним формам вовлечения икон в повседневное богослужение⁹. Литургия Иоанна Златоуста, которая совершается наиболее часто, включает молитвы, после произнесения которых священник и дьякон целуют иконы Христа и Богоматери возле Царских врат. Во время Малого входа священник целует малую икону Спасителя сбоку от царских врат. Объясняя это целование, Симеон Солунский писал: «Когда архиерей целует врата, этим означает, что Христос открыл нам вход во святая через завесу плоти Своей» (Вениамин 1992: 170). Затем священник обращается лицом к западу, благословляет священосца, целует такую же икону Богоматери у Царских врат и, войдя в алтарь, целует престол. После диакон спрашивает у священника благословение на время Трисвятого, становится в Царских вратах лицом к молящимся и, показывая орарем на икону Спасителя, обращаясь к иконе Богоматери и к престолу, завершает возглас священника «и во веки веков».

Целование икон традиционно происходило и во все религиозные праздники. Интересно в этом отношении последование праздника Торжества Православия, который празднуется в воскресенье на первой неделе Великого поста. Праздник был установлен в честь победы иконопочитания. Само название праздника говорит о значимости икон в Православии. В Чиновнике Московского Успенского собора XVII в. есть описание праздничного действия, которое совершалось с церемониальной торжественностью в богослужениях от вечерни до окончания литургии и проводов многочисленных икон из московских церквей под непрерывный звон колоколов (Чиновники 1908). Во время службы царь прикладывался к чудотворным иконам и становился на свое царское место. Затем на аналой против Царских врат возлагали книгу «Сенаник» (Синодик), и архиерей начинал «кликать памяти» сначала Троице или Спасу, Богородице, потом святым апостолам, всем другим святым. Патриарх по чину восседал в алтаре на горнем месте, сослужащее духовенство – напротив него. Праздник Торжества Православия отмечается и в наши дни, однако многое в его последовании сокращено. Так, в XVII в., когда архиерей «кликал» имя поминаемого, ключари вынимали икону с изображением соименного святого (небольшую минейную икону-таблетку) и диакон подносил ее патриарху на целование под пение «вечной памяти». Царь же целовал эти иконы у Царских врат.

Целование на Пасху имеет свои особенности соборного бытования главного православного праздника. Обычай целования в ночь Воскресения Христа сохранился только в православной традиции. «Христос Воскресе!» – говорят на Пасху. «Воистину Воскресе!» – слышится в ответ, и троекратным целованием друг друга верующие выражают не только пасхальную радость, но и отдают честь образу Божию, прикровенно запечатленному в каждом человеке. В таинстве Святой ночи, когда искупительная жертва Спасителя обретает надмирное торжество, мистически соединяются Творение и Творец, и все прославляющее Воскресшего Бога человечество обретает истинно соборное бытие, становясь на миг живой иконой обоженного мира. Целование икон и христосование во время пасхальной службы среди священнослужителей всегда происходило особенно торжественно. Г. Георгиевский отмечал, что в XVII в. на Пасху во время христосования в алтаре Успенского собора в Москве одному митрополиту ключари подносили Евангелие, другому – образ Воскресения Христова, а сослужившему священству раздавали разные иконы. Когда же в алтаре все становилось в ряд – начиналось христосование. Патриарх прикладывался к Евангелию

и иконам в руках священников, их же самих приветствовал словами «Христос Воскресе!» и целовал. После христосования происходило в середине собора (Георгиевский 1995: 124–127).

С темой целования, благословения от иконы связан особый праздник в Горненском женском монастыре Иерусалима, которого нет ни в одной другой русской обители (Ильинская 2002: 262). С 1883 г. там был установлен праздник в честь посещения Богородицей матери Иоанна Предтечи – «Целование Божией Матери и праведной Елисаветы». В память об этом событии написан тропарь.

На пятый день после Благовещения – 30 марта (ст. ст.) – из Троицкого храма Русской Духовной Миссии в Горненский монастырь несут икону «Благовещение», навстречу из обители выносят образ «Целование». Соединившийся крестный ход движется в Казанскую церковь по дороге, где две тысячи лет назад ступала Божия Матерь. Икону «Благовещение» водружают на игуменское место, облачают в голубое одеяние до пола, похожее на монашескую мантию. Рядом ставится игуменский жезл. Место земной настоятельницы позади иконы. В память трехмесячного пребывания Богородицы у Своей родственницы этот же срок икона находится в обители, как бы становясь ее Игуменьей. Прикладываясь к образу, сестры берут благословение сначала у иконы и лишь после – у настоятельницы и священника. В Миссии, куда икона возвращается после праздника Рождества Иоанна Предтечи, в течение года каждую среду образ почитают акафистным пением в честь Благовещения и поется горненский тропарь празднику.

Во все века на Руси целовали иконы с трепетным чувством, «вспоминая воплощение Его». И в XX в. есть множество свидетельств этого сложного чувства страха и надежды. Благоговейное отношение верующих к святым изображениям подтверждает рассказ нашей современницы Евгении Васильевны Тихоновой, которая 40 лет прослужила в Успенском храме на Городке в Звенигороде. В 1970-х годах Евгения Васильевна участвовала в ремонте храма. Рассказывая о состоянии живописи, она говорила: «Вот там – архангелов, в куполе, не разрешили переписывать. Потому что там семь архангелов – семь окон – между каждым окном – архангел... Там художники не писали – только грязь сняли. Вот это вот старое. Господь Саваоф – на потолке, нисколько не обвалился. И я сама прикладывалась – с лесов. Окна мыла там в куполе... А когда тянулась туда – они все вот как-то нагибаются. Ой, страшно было!» (Рассказ 2002: 168–169).

Другое почитание икон, исполняемое священнослужителем, – каждение фимиамом (ладаном) во время богослужения, а также крестного хода;

во время молебнов дома, когда священник и певчие поют праздничные песнопения, воздавая честь Первообразу, изображенному на иконе. Кадила и вкладываемый в них фимиам символизируют «дары от волхвов принесенные: золото, ливан, смирну» (Новая Скрижаль 1992: 10).

По церковному Преданию, когда в Едемском саду жили первые люди, Адам и Ева, они ходили по саду и славил Богу и созданную Им красоту. Храм в православном представлении – это Едемский сад, и когда во время богослужения открываются Царские врата, алтарь и весь храм как бы становятся раем. Священник символизирует Адама, а диакон со свечой – Еву. Обходя храм, они каждением прославляют Всевышнего в то время, как хор поет: «Дивны дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси...» (Новая 1992: 79). На боковых вратах иконостаса, через которые выходят для каждения, наиболее распространены изображения святых диаконов Стефана и Лаврентия. Икона диакона символизирует литургическое предстояние ангелов во время богослужения¹⁰. Кадильницы в руках диаконов имеют особое значение, напоминая как о ветхозаветном служении Скинии, так и о вознесении благовоний у стены Небесного Иерусалима¹¹. Кадильница употреблялась для возжигания фимиама на золотом жертвеннике перед «святая святых» (Исх. 40: 27). Новозаветная церковь унаследовала это священнодействие в значении жертвоприношения, так как при каждом каждении священник читает молитву: «кадило Тебе приносим, Христе, в воню благоухания духовнаго еже прием в пренебесный свой жертвенник...» (Муретов 1895: 258). И. А. Шалина пишет, что на боковых вратах иконостасов XVI–XVII вв. изображали также ветхозаветных священников Захарию, Аарона, Авеля и Мелхиседека с кадилом в руках. Такие парные фигуры были на дверях церкви Воскресения в Твери, новгородских храмов Иоанна Предтечи на Опоках и придела Иоанна Богослова в одной из церквей Антоньева монастыря (Шалина 2000: 570). Ветхозаветные священники представляли как бы прообразы иереев, а кадило скинии – кадильницу алтаря. «И пришел иной Ангел и стал пред жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который пред престолом. И вознес дым фимиама с молитвами святых от руки Ангела пред Бога» (Откр. 8: 3–4).

Известно, что раз в год первосвященник входил в «святая святых» и для очистительной жертвы использовал золотую кадильницу. Это действие напоминает о молитве «Кадила», которая читается иереем во время каждения им северной части алтаря: «Боже, принявший дары Авеля, жертву Ноя

и Авраама, Захарию, приими и от рук нас, грешных фимиам... во оставление грехов» (Муретов 1895: 19, 259). В. В. Болотов отмечал, что в древнехристианской церкви миряне почитали иконы воскурением фимиама. Сохранились изображения христиан VI–IX вв., входящих в храм Воскресения Христова в Иерусалиме и воскуривающих в большом количестве фимиам (Болотов 1994: 506).

В церквях кадят не только иконы, но и вообще – всех христиан, потому что воздается поклонение и почитание Самого Бога, который проявляется в Своих образах: и в иконах, и в людях. Обряд каждения символизирует благодарение, возношение молитвы в наиболее торжественных частях богослужения, требующих, с одной стороны, особенного молитвенного расположения духа, с другой – христиане должны смиренно склонять голову перед кадящим их священнослужителем, выражая этим готовность к принятию освящающей Божией благодати. Л. А. Успенский писал, что «иконы служат посредниками между изображенными и молящимися в силу благодатного общения, ибо благодать, стяжанная при жизни святым, пребывает в его иконах». Так происходит молитвенный контакт между святыми и молящимися. Во время богослужения в храме, «когда священнослужитель кадит, он заключает в этом жесте и изображенных святых, и собрание молящихся в храме, показывая этим единство Церкви небесной и земной» (Успенский 1997: 106–107). Такое единство «живых сущих» людей с умершими представлено на известной «Четырехчастной»¹² иконе XVI в. из местного ряда иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля. Ее сложную образную композицию в разное время ученые связывали с содержанием текстов молитв и песнопений суточного и годового богослужебного круга (Подобедова 1972: 16–17, 40–58). В частности, один из уровней «прочтения» «Четырехчастной» иконы, по мнению Н. Ю. Маркиной, представлен в ее четырех составных частях, которые соответствуют сторонам света (Маркина 1994: 280). Подобная географическая ориентация соотносится с литургическим каждением жертвенника с четырех сторон.

Святые отцы не раз подчеркивали богоугодность и значимость каждения. Блаженный Симеон Солунский, объясняя каждение, писал, что «фимиам очищает и освящает воздух и вместе с тем наше обоняние и дыхание», он символизирует Святой Дух, через который снисходит благодать (Симеон Солунский 1987: 30). В Евангелии от Луки рассказывалось, как глубока была молитва праведных Захарию и Елисаветы, когда Захарию явился Ангел в храме во время каждения. Так же и у праведных Иоакима и Анны. И в обоих случаях перед зачатием (Лук. 1). Об очистительных свойствах фимиама зна-

ли и в крестьянской среде, поэтому придавали особое значение каждению за его силу прогонять злых духов¹³. Таким образом, каждение на всем жизненном пространстве, где могут быть иконы и человек, означает их освящение. Священник кадит людей, потому что люди как бы тоже иконы, образ Божий, которому оказывают честь, равную иконам.

Для православного христианина возженная перед иконой свеча – символ любви к Богу, знак веры и надежды на благодатную помощь Господа, всегда получаемую теми, кто с верой и молитвой обращается к Нему. Поэтому каждый верующий, прежде чем приступить к молитве, зажигает свечи или лампы перед образами¹⁴. Традиция возжжения свечей ведет свои истоки со времени пророческого служения Моисея, когда, как сказано в Ветхом Завете, ему было дано повеление устроить светильник из чистого золота с семью лампадами (Исх. 25: 31–37). С тех пор в ветхозаветной скинии совершались службы со светильниками (Исх. 30: 8; 40: 4, 25). Горящие лампы и свечи всегда служили символом Божиего водительства. «Ты, Господи, светильник мой», – восклицает царь Давид (2 Цар. 22: 29). «Слово Твое – светильник ног моей», – говорит он в другом месте (Пс. 118; 105). Святые апостолы, первые последователи Христа, также возжигали свечи, когда собирались вместе для молитвы: «В горнице, где мы собрались, было довольно светильников» (Деян. 20: 8).

В древнехристианской Церкви был обряд – на вечерне вносить в храм свечи, когда исполнялось вечернее песнопение «Свете тихий», где говорится о духовном свете, просвещающем всякого человека, то есть о Христе, который просветил мир Светом Своего благодатного учения. Во время дневных богослужений в церкви также возжигаются свечи и лампы. О духовном значении свечей свидетельствовал и блаженный Иероним: «Во всех Восточных Церквах, когда следует читать Евангелие, возжигаются свечи и при солнечном сиянии, воистину, не для прогнания мрака, но в знак радости, чтобы под образом чувственного света показать Свет оный...» (Бахчанов [б.г.]: 61). VII Вселенский Собор закрепил древнюю традицию, определив, что в Церкви святым иконам и мощам, Кресту Христову, св. Евангелию воздается честь фимиамом и возжжением свечей (Карташев 1999: 50).

В храме горящая свеча перед иконами – также обычай почитания святыни. В новоосвященном храме, по древнему чину, первую свечу возжигает и ставит за престолом собственными руками сам священнодействующий архиерей (Никанор б/г: 15). В храмах Древней Руси бытовал обычай возжигания больших свечей. Неизвестный англичанин, посетивший Россию в XVI в., побывал в Троицком монастыре (каком именно, не указано). Он писал, что

ему «показывали там церковь, в которой столько образов, сколько можно повесить на стенах», многие из них были богато украшены. «Посреди церкви стояло 13 восковых свечей, в два аршина длины или около сажени в толщину; тут же стоит котел с воском, около 100 кг весу, в котором постоянно горит светильня, как бы лампада, не погасимая, ни днем, ни ночью» (Россия 1999: 41).

Павел Алеппский, наблюдавший религиозную жизнь русских людей в XVII в., отмечал, что всякий, кто направлялся в церковь, нес с собой одну или несколько свечей, которые зажигали перед иконами. При этом существовал обычай затепливать в эти свечи деньги, которые шли в пользу церкви. Он упоминал также о том, что в то время совсем мало использовались лампы, так как масло было очень дорого, да и зимой замерзало, поэтому свечи нередко ставили в лампы (Павел Алеппский 1897). Россия издавна славилась изобилием воска, поэтому свечи во все времена горели в храмах и как своего рода бескровная жертва Господу.

В XIX в., отвечая на вопросы Этнографического бюро князя Тенишева, корреспондент С. Миронов из Хвалынского у. Саратовской губ. писал, что каждый домохозяин покупал свечи и ставил к любимой иконе. За здоровье мужики ставили свечи чаще к иконе Спасителя, а женщины – Божией Матери. Особым почетом пользовалась икона Николая Чудотворца, к которой также ставили много свечей. «В особенности боялся Николая Чудотворца солдаты, девицы и вдовы, за которыми есть любовные грешки. Желая подать потаенную милостыню, деньги на свечу передают издали: из рук в руки с указанием поставить свечу определенной иконе. Так деньги доходят до свечного ящика. Затем староста, получив их, ставит свечу сам или передает ближайшему богомольцу». Некоторые, наоборот, купив свечку и не доверяя лицам, стоящим ближе к иконам, протискиваются сквозь толпу, крестятся перед образом и сами ставят свечу. Потом крестятся еще три раза и отходят, но не назад, а становятся впереди всех (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1502. Л. 13–14; Д. 938. Л. 9). В Череповецком у. Новгородской губ. придерживались другого порядка: не дойдя до иконы двух-трех шагов, делали три поясных поклона и, поставив свечку, отходили на такое же расстояние, пятясь задом, не поворачиваясь спиной к иконе. Затем клали три земных поклона и степенно шли на место. В д. Щуклина самым богомольным считался Дмитрий Григорьев. Он за каждой службой ставил какой-нибудь иконе свечу: «За чужой свечкой грех молиться, когда говеешь», – говорил он (АРЭМ. Д. 841. Л. 17, 21).

В Нижнеомовском у. Пензенской губ. принято было, передавая свечку через ряды молящихся, до-

трагиваться до плеча впереди стоящего богомольца, причем оба кланялись друг другу (АРЭМ. Д. 1369. Л. 2–3). Подобная традиция бытует до сих пор.

В дореволюционное время многие перед началом большого дела давали зарок, обещание поставить свечку, например, запрестольному образу, образу перед Царскими вратами или образу какого-нибудь святого. Точно так же ставили свечи после успешного окончания дела.

И сегодня в церквях можно наблюдать несколько категорий приходящих: одни из них – постоянные прихожане, знающие «писанные» и «неписанные» правила поведения. Они с молитвой ставят свечи к «празднику», то есть к иконе, которая лежит на аналое посреди храма, кланяются, молятся просто или коленапреклоненно, идут к иконам почитаемых святых, а также к своим личным покровителям. Есть случайные люди, которые приходят, чтобы только «поставить свечку», надеясь, что этого вполне достаточно для исполнения своих надежд: «У меня ведь грехов нет, – говорят они, – живу тихо, зла никому не делаю». Появилась и особая категория приходящих в церковь «новых русских». Они приходят ненадолго с большими пучками свечей, которые ставят ко всем иконам подряд, а к наиболее почитаемым могут поставить очень высокую и толстую свечу. Есть люди, которые, переживая жизненные невзгоды, приходят в церковь с последней надеждой. Возможно, это их первое или единственное посещение. Не зная, как правильно себя вести, интуитивно понимают, что, поставив свечу к иконе, они сделают первый шаг в церкви – принесут свою малую жертву Богу, и часто уходят с облегчением, чтобы снова прийти в храм (ПМА).

Особыми знаками почитания икон были обетные привески. В некоторых церквях у чтимых икон делали «пруды» – приспособления для привесок (Сибирцев 1894: 55). В Вологодской губ., в частности в устюжских церквях, их называли «гайтанами». Они были в виде легких цепочек чеканной работы (АРГО). Обетные привески являлись свидетельствами чудесных исцелений по вере молящихся. Излечившись от болезней рук, ног, глаз, верующие привешивали к образу их изображения, сделанные из золота или серебра.

Очевидно, истоки этого обычая идут от чуда, случившегося с поборником иконопочитания преподобным Иоанном Дамаскином (VIII в.). Ему, ревнителю веры и благочестия, враги отрубили кисть правой руки, которая так много послужила писаниям Православия. Он велел привязать отрубленную кисть к руке убрусом от образа Божией Матери, горячо молился перед иконой Богоматери, и рука чудесно срослась¹⁵. В память этого чуда он сделал из серебра руку и привесил ее к святой иконе, ко-

торая с тех пор и именуется Троеручицей (Буслаев 1861: 123). Первые списки с этой иконы известны на Руси с середины XVII в.¹⁶ Еще в 1722 г. в Петровском указе порицалось дарение иконам привесок. Церковные власти усматривали в народном обычае отголоски языческих традиций. Но все осталось по-прежнему. Люди не видели противоречий с православными убеждениями в стенах церкви, где они молились об исцелении.

В 90-х годах XIX в. в Ярославской губ. еще существовал обычай украшать такими привесками наиболее почитаемые в церкви иконы. В благодарность выздоровевший заказывал миниатюрные изображения исцеленной руки, ноги или сердца из серебра или другого металла и привешивал изображение на шелковой ленточке к иконе. Этот обычай был довольно распространен в губернии. Привески бытовали в Даниловском, Любимском уездах, в церквях г. Романово-Борисоглебска, а также в храмах Углича и в соборной церкви г. Пошехонье (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1752).

Во Пскове до революции около храма преподобного Варлаама Хутынского была часовня, также называвшаяся Варлаамской. В часовне находилась икона Богоматери «Всех скорбящих Радость», на ней была золотая привеска в виде двух глаз. Этот дар был сделан псковским архипастырем Мефодием II, который получил от этой иконы исцеление глазной болезни (Чудотворные иконы 1993: 693). До революции в музее при Киевской Духовной Академии хранилась привеска к иконе в виде ключика с надписью на нем: «От запрещения блуда и пьянства раба Божия С. М.». Известно, что эта привеска была сделана к редкой иконе Божией Матери «Прибавление ума». На полях иконы были изображены святые Моисей Мурин, которому молились «от блуда», и Бонифатий, к которому обращались за избавлением «от пьянства» (Титов 1990: 4).

Но не только в провинции сохранялся обычай делать привески в благодарность за исцеление. В начале нашего века многочисленные привесы к знаменитой московской Иверской иконе также свидетельствовали о благодарности исцеленных (Чудотворные иконы 1993: 691). В благодарность вешали на икону и нательные крестики. Множество таких шейных крестиков было (и сейчас есть) на иконе Божией Матери «Взыскание погибших» в московской церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке на ул. Неждановой. Иногда подаренные крестики расплавляли и использовали для поновления ризы.

В с. Сухая Калигорка Звенигородского у. Киевской губ. в приходской церкви Иоанна Богослова хранилась чудотворная икона Богоматери – Калигорская, которая прославилась в XVIII в. Среди

многочисленных привесок к иконе была и серебряная пуля. О ней в церковной записи говорилось, что во время Русско-турецкой войны в 1828 г. полковник С. З. стоял со своим полком в этой местности и посещал храм, где молился перед чудотворной иконой. Вскоре на войне он был ранен осколком пули около сердца так, что, по признанию врачей, надежды на излечение не оставалось. Между тем ухаживающий за раненым денщик видел во сне старца (как следовало из описания, святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова), который, угрожая наказанием за умолчание, приказывал сказать барину, чтобы тот обратился за помощью к Пресвятой Богоматери. Раненый полковник стал усердно молиться Божией Матери о выздоровлении, причем вспоминая чудотворный Калигорский образ. Затем в первый раз после долгих, тяжких страданий и бессонницы он уснул. Во сне он видел Женщину, похожую на образ Калигорской иконы, которая вынула рукой осколок, засевший вблизи сердца, и сказала: «Встань!». Пробудившись, он действительно увидел около себя на постели выпавший из груди осколок. После окончательного выздоровления полковник велел сделать серебряную пулю, вложил в нее осколок и вычеканил на пуле изображение сердца со своими инициалами: «С. З.» и словами: «Чем ранен, близ чего – то в жертву приношу» (Чудотворные иконы 1993: 781).

В 20-х годах XX в. в Тиглинской церкви бывшего Кирилловского у. Вологодской губ. можно было увидеть множество серебряных и оловянных привесок в виде рук, ног и других частей тела к чтимой иконе святой Варвары. Сюда 6 декабря, в храмовый праздник великомученицы Варвары, стекалось много богомольцев. Привесок скапливалось столько, что перед иконой ставили стол с ящичком, который был заполнен привесками от людей, получивших исцеление. Во время обедни страдающий каким-либо недугом надевал на себя привеску и, стоя на коленях, молился Богу. Несмотря на большой запас привесок, их все же не хватало, поэтому соблюдалась очередность: «один помолится с полчаса с этим предметом, потом передает другому» (ГАВО).

Иногда привески бывали в виде вышивки больной части тела – «заветное шитье». Такой вариант обета после исцеления или с надеждой на помощь обнаружил исследователь Русского Севера Г. П. Дурасов в Каргопольском р-не Архангельской обл. Желаящие поправить здоровье вышивали больные части тела, часто с просительной надписью, и подвешивали шитье у чудотворной иконы (Дурасов 1977: 113).

В Великом Устюге в Успенском соборе до революции хранилась икона Одигитрия Устюжская, известная своими чудесами, на ней была привеска

другого характера. 13 июня 1813 г. местный полицеймейстер, много лет страдавший тяжелой болезнью, после молебна перед образом получил совершенное исцеление. В благодарность за явленную милость он привесил к иконе серебряную дощечку с описанием чуда (Чудотворные иконы 1993: 485).

В крестьянской среде материальные возможности были скромнее, однако почитание икон не было меньше. Так, в Каргополье особо любили и чтители память нижегородского святого преподобного Макария Унженского (7 авг.). Духовным центром округа был Макарьевский Хергозерский монастырь, известный еще с 1764 г. Сюда в день памяти святого сходил народ со всех ближних и дальних деревень. По рассказам наших современников, еще помнивших эти праздники, святой Макарий почитался в Лекшмозерье как самый скорый и надежный заступник и избавитель от всех болезней и напастей. «Ходили на Макарье целыми деревнями», верили, что, если дать обет (завет) святому – и больной поправится, и ребенок окрепнет. Обеты давали по-разному: если голова болит – вешали на икону св. Макария платок, если тело – отрез, если ноги – чулки вешали.

Рассказывая о целительной силе святого, Прасковья Федоровна Басова, уроженка описываемых мест, говорила о своей знакомой, которая так болела, что врачи не помогали: «А у нее завет был кладен. Она должна была к Макарию сходить, и две вещи у нее были на завет. Она их на икону повесила, три тонкие свечи зажгла в трех местах – она знала, где поставить, – на колени стала, молилась. А тут я ее встретила: совсем другая, не болеет, поправилась – то все худая была. Така хорошенька стала» (ПИМА).

Украшали иконы и просто в память о прошедших жизненных событиях. Во многих церквях Ярославской губ. на любимые иконы вешали ленты и нательные крестики. Если умирала юная девушка, родители приносили к иконе ее любимую ленту. Ленты эти использовали потом в церкви в качестве закладок для богослужебных книг (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1752).

В наше время, когда возрождаются православные традиции, во многих церквях у почитаемых икон можно видеть ювелирные украшения, принесенные благодарными верующими. Это, в основном, нательные крестики, бусы и кольца. Так украшены чудотворная икона Казанской Божией Матери в Московском Богоявленском соборе, чудотворная икона «Нечаянная радость» в московском храме имени этой иконы (Марьяна Роцца), «Всецарица» в Благовещенском храме у метро «Динамо», «Иверская» в Сокольниках, «Неупиваемая чаша» в г. Серпухове, а также многие другие чтимые иконы Богоматери. Кроме того, на металлическую оградку

таких икон прихожане часто вешают вышитые полотенца, иногда с именами верующих-дарителей (ПМА).

Почитание икон в форме дарения разного рода привесок, шитья выполняло функцию материализованной молитвы об исцелении и благодарности за выздоровление. Подобные приношения – одна из черт, отражающих религиозность народа.

В русской традиции всегда чтить и любили своих местночтимых святых. Корреспондент Тенишевского бюро И. Шадрин из Кадниковского у. Вологодской губ. сообщал, что там крестьяне почитали святого великомученика Власия и считали своим долгом три раза в год «отпеть ему молебен», помимо тех случаев, когда заказывали ему молебны во время собственных удач или несчастий. Служили молебны и ставили свечи также «своему ангелу», то есть святому, имя которого носили (АРЭМ. Оп. 1. Д. 214. Л. 22).

Идя в церковь, православный христианин всегда стремился получить благодать, которая сообщается через Таинства Церкви. Два из них – исповедь и причастие. Корреспондент А. Балов из Борисоглебского у. Ярославской губ. сообщал, что каждый исповедник считал своим долгом в день причастия обязательно поставить свечи перед иконами Спасителя, Божией Матери, святого или праздника (АРЭМ. Д. 1826. Л. 18).

Прежде чем подойти к священнику для исповеди, человек делал земной поклон перед иконами и три поясных поклона молящимся, как бы испрашивая у них прощения за свои грехи. На следующий день шли к заутрене, а в промежутке между окончанием утреннего правила и обедней говеющий прикладывался к местным иконам Спасителя, Божией Матери и ставил перед ними свечи (АРЭМ. Д. 1789. Л. 9).

Согласно Олеарию, в XVII в. при исповеди человек должен был смотреть на особо назначенную для этой цели икону. После, в зависимости от тяжести греха, священник назначал епитимью, например, сделать несколько сотен поклонов перед иконой своего святого (Олеарий 1906: 335).

Сходный пример известен и из самой ранней описи храмов Нило-Сорского скита XVII в. Там в местном ряду храма Ефрема Сирина находилась икона преподобного Ефрема (Романенко 1999: 128). Православная традиция называла святого «учителем покаяния». «Непрестанно плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом», – писал о нем святой Григорий Нисский (Жизнь святого 1848: 94). На иконе был изображен преподобный Ефрем Сирин с хартией со словами против нерадивых иноков, не соблюдавших монашеских обетов. Интересно, что в храме Софии Константинопольской была икона, называемая «Спас Исповедник».

По свидетельству русских паломников конца XIV – начала XV в., перед ней калялись грешники, которым было стыдно исповедоваться духовнику (Лидов 1996: 46). Возможно, традиция исповедоваться перед иконой, которая бытовала на Руси, – далекий отголосок византийского обряда.

Русский народный идеал всегда включал в себя деятельное милосердие, следуя древнему наставлению: «Сын мой! По состоянию твоему делай добро себе и приношения Господу достойно приноси» (Сир. 4: 11). Каждый считал проявлением благочестия пожертвовать на храм. Поэтому в летописях, церковных книгах, других исторических свидетельствах всегда отмечались имена жертвователей и описания вкладов, иногда очень богатых. В крестьянской среде по мере возможности достаточно много отдавали в церковь на помин души, в дни радости как благодарность Богу и просто о здравии близких. В уже упоминавшемся Нижнеломовском у. Пензенской губ. крестьяне особенно любили жертвовать на приобретение колоколов – «из ада вызвонить» грешную душу, а также на занавес для Царских врат – «в аду от пламени закроет». Особыми вкладами здесь были воздухи с написанными на них именами умерших родственников жертвователя. Женщины часто приносили платки, холст и даже принадлежности своего костюма, которые церковный староста тут же продавал, а деньги шли в кассу храма (АРЭМ. Д. 369. Л. 5; Д. 1827. Л. 13). В Краснослободском у. этой же губернии крестьяне чаще жертвовали деньги. Так, один крестьянин пожертвовал на лампаду к иконе Спасителя 20 руб., что по тем временам было едва ли не целым состоянием; другой же отдал в церковную кассу 5 руб. по случаю спасения на охоте от разъяренного медведя. Кроме того, корреспондент А. Промптов отмечал, что пожертвования делаются обычно, когда жители соседних сел ходят с иконами. В этом случае крестьяне считали обязанностью вынести сколько-нибудь денег или муки: «Сама Божа Матирь просит!» (АРЭМ. Д. 1353. Л. 50). Более богатые крестьяне, бывавшие в городах, жертвовали церкви иконы, кадила, люстры и подсвечники. На каждом приношении писалось имя жертвователя; иконы часто дарили с изображением святых, соименных живым или умершим родителям жертвователя или ему самому.

Вообще прихожане заботились о благолепии своего храма. Корреспондент И. Суворов сообщал, что в Тотемском у. Вологодской губ. при проведении каких-либо строительных работ в церковной ограде крестьяне безвозмездно возили кирпич, песок, камень, выполняли другие работы. Крупных пожертвований здесь не делали, но приносили в церковь полотенца, холсты, яйца, зерно (от 5 до 15 пудов) и деньги (от 1 до 10 руб.) (АРЭМ. Д. 368. Л. 27; Д. 376. Л. 4).

Кроме частных пожертвований, довольно распространены были и коллективные вклады. Так, о списке с чудотворной иконы Федоровской, который находился в Костромском Успенском кафедральном соборе, известно из надписи на золотом окладе с драгоценными камнями. На нем значилось, что «риза устроена в 1805 г. тщанием костромских граждан». В 1886 г. в с. Акшенас Инсарского у. прихожанами была пожертвована в храм икона святого князя Александра Невского во весь рост с надписью наверху: «В память Царя Освободителя и освобождения крестьян 19 февраля 1861 г.». Икона вместе с лампадой стоила свыше 200 руб. А в 1896 г. по общему согласию прихожан произвели хлебный сбор со всех крестьянских дворов и на вырученные от продажи деньги купили и пожертвовали в церковь запрестольные иконы, крест и икону Божией

Матери. В Никольском у. Вологодской губ. в одном из приходов сделали складчину в 100 руб. и заказали икону святого целителя Пантелеимона со святого Афона.

Жертвовали и с дальним прицелом, как, например, крестьянин Тютелькин из того же села Акшенас, отдавший в церковь на украшение 300 руб., да еще 200 руб. на храм, с просьбой, чтобы его похоронили внутри церковной ограды (АРЭМ. Д. 287. Л. 34; Д. 1326. Л. 42).

«Взглянув же, Он увидел богатых, клавших дары свои в сокровищницу; увидел также и бедную вдову, положившую туда две лепты, и сказал: истинно говорю вам, что эта бедная вдова больше всех положила; ибо все те от избытка своего положили в дар Богу, а она от скудости своей положила все пропитание свое, какое имела» (Лк. 21, 1–4).

Примечания

¹ Представляется, что происшедшее во сне может быть примером, так как, на наш взгляд, в полной мере отражает обстановку реального храма и горячую молитву страждущих.

² Параклис (греч. – утешение, усердная молитва, покорное прошение) – молебный канон, посвященный Богородице, который поется и читается в случае душевной скорби.

³ Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. Казань, 1891. Деяние седьмое. С. 285.

⁴ Один из анонимных византийских текстов X в. описывает обычай торжественного поклонения иконе Спаса Нерукотворного в Эдессе, происходивший в Неделю Торжества Православия, когда празднуется восстановление почитания святых икон (842 г.). («О святой и нерукотворной иконе Иисуса Христа Бога нашего, как чтилось в городе Эдессе жителями его» – текст помещен в статье И. А. Стерлиговой «О значении драгоценного убора в почитании святых икон» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 123–131). Описанный обычай и другие процессии с образами приняли на русской почве форму крестных ходов.

⁵ О поклонении, как одном из видов почитания святыни, известно из ветхозаветной истории, когда, входя в Скинию, Иисус Навин пал лицом своим на землю пред ковчегом Господним (Нв. 7: 6). Святой царь Давид говорил о ней также: «Войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем» (Исх. 5: 8). Из новозаветной истории известно, что Сам Иисус Христос при молитве Отцу Небесному преклонял колена и падал ниц (Лк. 22: 41; Мф. 26: 39), пал ниц к ногам Господа, благодаря Его, исцеленный самарянин (Лк. 17: 16). Преклоняли колена святые апостолы (Деян. 9: 40; 20: 36; Еф. 3: 14; 1 Кор. 14: 25) и святые отцы (Иоанн Златоуст 1897).

⁶ О видах молитв и их значении в духовном совершенствовании христианина см.: Скурат К. Е. Христианское учение о молитве и ее значении в деле нравственного совершенствования. Клин, 1999.

⁷ Интересно, что утраченный обряд омовения икон иногда употреблялся в народной практике, однако, очевидно за давностью, не всегда встречал должное понимание. Т. А. Листова описала подобный случай: в конце XIX в. было возбуждено дело дьячка из Великоустюжского у., в обвинение которого входило «суеверие» употребления в лечебных целях воды, «спущенной» с икон (Листова Т. А. Религиозно-общественная жизнь: представления и практика // Русский Север. М., 2001. С. 721).

⁸ Согласно общепринятой норме поведения, в церкви полагается при прикладывании к иконам делать два поклона перед целованием и один после с крестным знаменем (ПМА).

⁹ В «Книге церемоний» Константина Багрянородного (X в.), а позднее в литургическом чинопоследовании, известном по рукописи XII в., говорилось, что император, как и архиерей, при входе в алтарь Софии Константинопольской целовали «святую икону» слева от них на Царских вратах. См.: Лидов 2000: 166.

¹⁰ На завесе в ветхозаветной Скинии были вышиты образы херувимов. В русской богослужебной традиции известна шитая пелена XV в. с изображением «охраняющего» архангела Михаила, которая использовалась в Александро-Свирском монастыре в XVII–XVIII вв. в качестве двери в жертвенник. См.: Шалина 2000: 568.

¹¹ Композиция тройного входа в алтарь, по мнению И. А. Шалиной, восходит к иконе Небесного Иерусалима, спущенной Богом на землю и увиденной Иоанном Богословом в Откровении: «Он имеет большую

и высокую стену... (у которой) с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот» (Откр. 21: 13).

¹² История этой иконы связана с периодом восстановительных работ в Кремле после пожара 1547 г. и с церковным собором 1553–1554 гг., когда рассматривалось «дело дьяка Висковатого» – о правомочности создания иконописных образов усложненного богословского содержания, в том числе и иконы «Четырехчастная».

¹³ В русской православной традиции существует чин освящения иконы через молитву благословения; тот же смысл имеет кропление святой водой.

¹⁴ До XVII в., особенно по небольшим селам и отдаленным монастырям, богослужение нередко совершали, как в первые времена христианства, пользуясь деревянными сосудами и зажигая лучину вместо свеч (Полонская Н. Д. Историко-культурный атлас по русской истории. Вып. 3. Киев, 1914. С. 50).

¹⁵ Тогда же, по преданию, благодарность Иоанна к чудной Исцелительнице вылилась в дивной песне «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь». Интересно почитание иконы «Троеручицы» в сербском Хилендарском монастыре на святой горе Афон, где в настоящее время находится подлинный чудотворный образ. Однажды в обители умер игумен, и при избрании нового среди братии произошло разделение мнений, распря. Вскоре одному затворнику явилась Богоматерь и объявила, что сама желает быть игуменьей обители, и в знак этого икона Троеручицы, стоявшая в алтаре, чудесно перенеслась на середину храма на игуменское место. До сегодняшнего дня монастырем управляет «наместник» – иеромонах, который во время службы стоит у игуменского места, где помещается икона Троеручицы. Служащие прикладываются к ней, принимая от образа благословение, как бы от самого игумена.

¹⁶ В устной народной традиции существует сказание о происхождении образа Божией Матери Троеручицы. В конце XIX в. корреспондент Ф. Казанский из Шуйского у. Владимирской губ. так записал это сказание: «Один раз гнались за Богородицей разбойники, а Она была с Младенцем на руках – бежала Она, бежала, глядь – река. Она и бросилась вплавь через реку – одной рукой Младенца держит, а другой гребет, а трудно плыть-то, вот и взмолилась Она Младенцу своему: “Сын мой, милый! Дай мне третью руку, а то плыть мне не вмоготу!” И появилась у Нее третья рученька, и тогда легонько переплыли они реку и спаслись от разбойников» (АРЭМ. Д. 63. Л. 7). Этим рассказом местные жители объясняли праздник Преполовления или, по их названию, «Преплавления», связывая как бы приплавленную руку Богородицы на иконе с историей из жизни Богоматери. Однако древний христианский праздник Преполовления имеет совсем другие истоки. Преполовление – половина Пятидесятницы, между Пасхой и Сошествием Святого Духа. Название восходит к Евангелию (Ин. 7: 14–36), где сказано, что Иисус Христос в «преполовление» ветхозаветного праздника Кушей «взыде в церковь, и учаше». В службе в день Преполовления прославляется учение о таинственной воде, под которой разумеется учение Христово и дары Святого Духа.

Источники и материалы

Авва Исаия 1992 – Авва Исаия. Слово 15-е // Добротолюбие. Т. 1. М., 1992.

АРГО – Архив Русского географического общества. Ф. VII. Д. 18.

АРЭМ – Архив Русского этнографического музея.

Бахчанов [б.г.] – Бахчанов Ф. Беседы о молитвенном правиле в христианском богослужении // Златоструй. Вып. 2. Рига, [б.г.].

Белгородский старец 1998 – Белгородский старец архимандрит Серафим (Тяпочкин) / сост. иеродиакон Софроний (Макрицкий). Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998.

Брянчанинов 1905 – Брянчанинов Игнатий, епископ. Собр. соч. Т. V. СПб., 1905.

Вениамин 1992 – Вениамин, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Новая Скрижаль или объяснения о церкви, о литургии и о всех службах и уставах церковных. Т. 1. М., 1992 [СПб., 1899].

ГАВО – Государственный архив Вологодской области. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 146. Л. 15.

Домострой 1991 – Домострой. Ярославль, 1991.

Душеполезные поучения 1895 – Душеполезные поучения и послания / Изд. 7-е. Оптина Пустынь, 1895.

Дьяченко 1894 – Дьяченко Г., священник. Уроки и примеры христианской надежды. М., 1894.

Жизнь святого 1848 – Жизнь святого Ефрема Сирина / Прибавление к изданию святых отцов в русском переводе. М., 1848.

Зайцев 1998 – Зайцев Б. К. Избранное. М., 1998.

Иоанн Златоуст 1897 – Иоанн Златоуст, святитель. Творения. Т. 3. Беседы о том, что не должно разглашать грехов братий. СПб., 1897. С. 272.

Книга правил – Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М.;

СПб., 1993 [1893].

Муретов 1895 – Муретов С. И. Исторический обзор чинопоследования проскомидии до «Устава литургии» Константинопольского патриарха Филофея: Опыт историко-литургического исследования. М., 1895.

Никанор [б.г.] – Никанор, архиеп. Херсонский. Поучение о церковной свече // Екатеринбургский епархиальный вестник, [б.г.]

Никольский 1885 – Никольский К. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885.

Олеарий 1870 – Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах / составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием; пер. с нем. П. Барсова; изд-е Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете. М.: в Университетской типографии (Катков и К), 1870.

Олеарий 1906 – Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906.

Описание чтимых икон 1994 – Описание чтимых икон и жития святых Псковской епархии или имевших отношение к псковскому краю. Июнь. Псков, 1994.

Павел Алеппский 1897 – Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 1–3. М., 1897.

Пестов 2000 – Пестов Н. Е. Современная практика православного благочестия. Т. 2. СПб., 2000.

ПМА – Полевые материалы автора. 1990–2012 гг.

Повесть об убиении 1980 – Повесть об убиении Андрея Боголюбского // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980.

Преподобный Иосиф 1994 – Преподобный Иосиф Волоцкий. Послание иконописцу. М., 1994.

ПСРЛ 1949 – Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.

Рассказ 2002 – Рассказ о Евгении Васильевне Тихоновой (духовные истоки, жизнь, воспоминания ее и о ней) / сост. А. Е. Федоров. М., 2002.

Россия 1999 – Россия – это сама жизнь. Свидетельства иностранных путешественников, дипломатов, политиков, мыслителей о нашей Родине. М.: СканРус, 1999.

С любовью 1998 – С любовью о Господе, ваш Д.О.С. (Жизнеописание старца схиигумена Саввы). М., 1998.

Свете тихий 1997 – Свете тихий. 1997. Февраль. С. 10–11.

Свидетельства древних 1993 – Свидетельства древних и славных святых Отцов об иконах // Преподобный Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993.

Сибирцев 1894 – Сибирцев И. Исторические сведения из церковно-религиозного быта г. Архангельска в XVI и первую половину XVII вв. Архангельск, 1894.

Симеон Солунский 1987 – Симеон Солунский. Разговор о священнодействиях. Гл. 101 // Церковь. 1987. № 25.

Старец Захария 1998 – Старец Захария (1850–1936 гг.). Схиархимандрит Троице-Сергиевой Лавры. Житие: подвиги и чудеса. М., 1998.

Таинственный смысл 1906 – Таинственный смысл символических священнодействий. М., 1906.

Феофан Затворник 1889 – Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Вып. V–VI. М., 1889. С. 183–184.

Чиновники 1908 – Чиновники Московского Успенского собора и выходы патриарха Никона. М., 1908. С. 6–9, 52–54, 57–59, 77–80.

Что должен 1995 – Что должен знать каждый приходящий в православный храм. М., 1995.

Чудотворные иконы 1993 – Чудотворные иконы Матери Божией. Коломна, 1993.

Юль 1900 – Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711). М., 1900.

Научная литература

Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви. Т. IV. М., 1994.

Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности. Т. II. СПб., 1861.

Васильев В. Судьбы и тайны великих святых. СПб., 1999.

Георгиевский Г. С. Праздничные службы и церковные торжества в старой Москве. М., 1995.

Дурасов Г. П. Каргопольское «заветное шитье» // Советская этнография. 1977. № 1. С. 110–113.

Евсеева Л. М. Византийские иконы proskynesis в богослужебном обиходе // Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. СПб., 1994.

Ильинская А. Духовное наследие преподобного Серафима Вырицкого. Блаженная Любушка. Исповедница Анна. М., 2002.

Карташев А. В. Вселенские соборы. М., 1999.

- Лидов А. М. Византийский антепендиум. О символическом прототипе высокого иконостаса // Иконостас: Происхождение – Развитие – Символика. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Лидов А. М. Чудотворные иконы в храмовой декорации. О символической программе императорских врат Софии Константинопольской // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М.: Мартис, 1996. С. 44–75.
- Маркина Н. Ю. «Четырехчастная» икона в контексте богослужебного чина // Восточно-христианский храм. Литургия и искусство. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 270–292.
- Подобедова О. И. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х – 70-х годов XVI века. М.: Наука, 1972.
- Романенко Е. В. Нил Сорский и традиции русского монашества // Исторический вестник. 1999. № 3–4.
- Титов А. Образ Пресвятой Богородицы «Прибавление ума». М., 1990.
- Успенский Л. А. Богословие иконы Православной Церкви. М., 1997.
- Успенский Л. А. Первохристианское искусство // Журнал Московской Патриархии. М., 1958. № 18. С. 18–25.
- Шалина И. А. Боковые врата иконостаса: символический замысел и иконография // Иконостас: Происхождение – Развитие – Символика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 570, сн. 66.
- Щенникова Л. А. Смоленские иконы Благовещенского собора Московского Кремля и их чтимые списки // История и культура ростовской земли. 1996. Ростов, 1997. С. 49–54.

References

- Bolotov, V. V. 1994. *Leksii po istorii drevnei tserkvi* [Lectures on the History of the Ancient Church]. Vol. IV. Moscow.
- Buslaev, F. 1861. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti* [Historical Essays on Russian Folk Literature]. Vol. II. Saint Petersburg.
- Vasil'ev, V. 1999. *Sud'by i tainy velikikh svyatykh* [The Fates and Secrets of Great Relics]. Saint Petersburg.
- Georgievskii, G. S. 1995. *Prazdnichnye sluzhby i tserkovnye torzhestva v staroi Moskve* [Festive Services and Church Celebrations in Old Moscow]. Moscow.
- Durasov, G. P. 1977. Kargopol'skoe «zavetnoe shite» [Kargopol «Treasured Embroidery»]. *Sovetskaya etnografiya* 1: 110–113.
- Evseeva, L. M. 1994. Vizantiiskie ikony proskynesis v bogoslužebnom obikhode [Byzantine Proskynesis Icons in Liturgical Use]. In *Vostochno-khristianskii khram. Liturgiia i iskusstvo* [Eastern Christian Church. Liturgy and Art]. Saint Petersburg.
- Il'inskaya, A. 2002. *Dukhovnoe nasledie prepodobnogo Serafima Vyritskogo. Blazhennaya Lyubushka. Ispovednitsa Anna* [The Spiritual Heritage of St. Seraphim of Vyritsa. Blessed Lyubushka. Confessor Anna]. Moscow.
- Kartashev, A. V. 1999. *Vselenskie sobory* [Ecumenical Councils]. Moscow.
- Lidov, A. M. 2000. Vizantiiskii antependium. O simvolicheskom prototipe vysokogo ikonostasa [Byzantine Antependium. On the Symbolic Prototype of the High Iconostasis]. In *Ikonostas: Proiskhozhdenie – Razvitie – Simvolika* [Iconostasis: Origin – Development – Symbolism]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Lidov, A. M. 1996. Chudotvornye ikony v khramovoi dekoratsii. O simvolicheskoi programme imperatorskikh vrat Sofii Konstantinopolskoi [Miraculous Icons in Church Decorations. On the Symbolic Program of the Imperial Gates of Hagia Sophia in Constantinople]. In *Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevnei Rusi* [Miraculous Icons in Byzantium and Ancient Rus'], 44–75. Moscow: Martis.
- Markina, N. Yu. 1994. «Chetyrehchastnaya» ikona v kontekste bogoslužebnogo china [The «Four-Part» Icon in the Context of the Liturgy]. In *Vostochno-khristianskii khram. Liturgiia i iskusstvo* [Eastern Christian Church. Liturgy and Art], 270–292. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Podobedova, O. I. 1972. *Moskovskaya shkola zhivopisi pri Ivane IV: Raboty v Moskovskom Kremle 40 kh – 70 kh godov XVI veka* [The Moscow School of Painting under Ivan IV: Works in the Moscow Kremlin from the 1540s–1570s]. Moscow: Nauka.
- Romanenko, E. V. 1999. Nil Sorskii i traditsii russkogo monashestva [Nil Sorsky and the Traditions of Russian Monasticism]. *Istoricheskii vestnik* 3–4.
- Titov, A. 1990. *Obraz Presvyatoi Bogoroditsy «Pribavlenie uma»* [The Icon of the Most Holy Theotokos «Addition of Wit»]. Moscow.
- Uspenskii, L. A. 1997. *Bogoslovie ikony Pravoslavnoi Tserkvi* [The Theology of the Icon of the Orthodox Church]. Moscow.
- Uspenskii, L. A. 1958. Pervokhristianskoe iskusstvo [Early Christian Art]. *Zhurnal Moskovskoi Patriarkhii* 18: 18–25.
- Shalina, I. A. 2000. Bokovye vrata ikonostasa: simvolicheskii zamysel i ikonografiya [Side Doors of the Iconostasis: Symbolic Design and Iconography]. In *Ikonostas: Proiskhozhdenie – Razvitie – Simvolika* [Iconostasis: Origin – Development – Symbolism], 570. Moscow: Progress-Traditsiya.

Shchennikova, L. A. 1997. Smolenskie ikony Blagoveshchenskogo sobora Moskovskogo Kremlya i ikh chtimye spiski [Smolensk Icons of the Annunciation Cathedral of the Moscow Kremlin and Their Venerated Copies]. In *Istoriya i kul'tura rostovskoi zemli*. 1996 [History and Culture of the Rostov Region. 1996], 49–54. Rostov.

RUSSIAN TRADITIONS OF VENERATION OF ICONS IN THE TEMPLE

Annotation. Based on sources such as chronicles, officials, breviaries, archives, other historical evidence, as well as modern observations, the article describes the traditions of venerating icons within the walls of a Russian Orthodox church. The author explores the strengthening and development of traditions of veneration of icons, lost forms of religious tradition, «written» and «unwritten» features of behavior of worshippers.

Keywords: icon worship, Russian temple, traditions, rituals.

Authors Info: Tzekhanskaja, Kira V. – Dr. of History, Leading Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation), E-mail: kirilla2011@gmail.com ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9719-4304>

For citation: Tzekhanskaja, K. V. 2025. Russian traditions of venerating icons in the temple. *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 42: 15–31

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology.

